

ФОЛЬКЛОРНАЯ СЕРИЯ.

1. „Сказки Азербайджана“ под ред. проф. Б. В. Чобанзаде (тюркск. яз.).
2. „Азербайджанские боюти“ под ред. доц. Х. Б. Зейналы (тюркск. яз.).
3. „Фольклор Азербайджана и прилегающих стран“ под ред. проф. А. В. Багрия т. 1-ый (русск. яз.).
4. „Фольклор Азербайджана и прилегающих стран“ под редакц. проф. А. В. Багрия т. 2-ой (русск. яз.).
5. „Фольклор Азербайджана и прилегающих стран“ под редакц. проф. А. В. Багрия т. 3-ий (русск. яз.).
6. „Секта неговистов“. Материалы, собранные В. Т. Рудометкиной (русск. яз.).
7. „Указатель кавказских сказочных мотивов по системе Парне“ сост. коллективом (русск. яз.).
8. „Кавказские параллели к сказкам бр. Гримм“, сост. М. М. Гухман (русск. яз.).
9. „Материалы для исследования быта и устной словесности закавказских молокан-прыгунов“, собранные В. Т. Рудометкиной (русск. яз.).
0. Программа для собирания фольклорных материалов в Азербайджане (тюркск. и русск. яз.).

ФОЛЬКЛОРНАЯ СЕРИЯ № 3.

M 124
12

В ПРОДАЖУ НЕ ПОСТУПАЕТ.

ФОЛЬКЛОР АЗЕРБАЙДЖАНА И ПРИЛЕГАЮЩИХ СТРАН

Том 1-ый

Под редакцией проф. А. В. БАГРИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АзГНИИ

БАКУ

3.

ПУШИНСКИЙ РАЙОН.

-Если так,- начал пророк,- я разрешаю тебе воровать, только со следующим условием, которого приказываю свято придерживаться при совершении кражи: быть набожным, совестливым и справедливым.

-Условие сие, о пророк, будет исполнено мною всегда!

В ночь того же дня вор отправился в дом одного богатого купца. С трудом залез вор в жилую комнату и в одном сундуке нашел два мешочка червонцев. Взяв оба мешочка, вор хотел было удалиться, как вдруг вспомнил слова пророка.

-Не по совести делаю,^{1/} - сказал вор - эти деньги нажиты трудами купца; будет справедливо, если оставлю один мешочек самому купцу.

Так и сделал: один мешочек оставил в сундуке, а другой взял себе. Выходя во двор, вор видел, что рассветает-пора совершить утренний намаз (молитву).

Тем временем проснулся купец вышел во двор тоже совершить омовение и увидел молодого человека, молившегося богу.

Когда вор кончил молиться, купец подошел к нему и спросил:

-Кто ты такой?

Вор рассказал купцу свою историю, присовокупив и слова пророка.

Откровенность и поступок вора понравились купцу, который подарил мешочек с червонцами вору, сказав:

-Эти три качества заставят тебя отвыкнуть от зла, которое рано или поздно погубило-бы тебя.^{2/}

Действительно, после нескольких таких случаев, вор явился к пророку, со слезами пал пред ним на колени, и стал просить благословения на путь истинный...

1/ В тексте: „не совестно.“

2/ В тексте: „скоро-поздно.“

СКАЗКА О КИТАЙСКОЙ ЦАРЕВНЕ ТОР-АНДУК И НАГАЙСКОМ ЦАРЕВИЧЕ ГИЛАФЕ.^{1/}

В прошедшие времена один из Нагайских царевичей, по имени Гилаф, превосходил всех современных ему царевичей своим умом, мудростью и благонравием; он вследствие знания высших наук, всех преданий Шариата и толкований Корана, далеко оставлял за собою всех ученых своего времени и со всеми этими качествами был самым выдающимся богатырем бранного поля восточной Азии. Вся современная летопись была полна описаний его мудрости и храбрости. Восемнадцати лет он был одним из ближайших советников своего отца Темур-Даш хана в делах управления государством и в этом отношении уступал ему самые тонкие дипломаты государства. Во время войны он всегда стоял во главе своего войска и никто до того не видал его бегущего пред врагами, и наоборот, всегда перед ним враг показывал свой тыл и потому воспитанные в его храбром духе войска в самый короткий промежуток времени, стали в числе самых выдающихся воинов всего мира. Отец Гилафа, Темур - Даш хан, упоенный блестящими победами своего сына, мечтал о завоевании всей Азии и вот среди этих следких мечтаний к ним прибыл посланник от Харазмского султана, который и передал, что воля его повелителя султана Харазмского заключается в том, чтобы Нагайские Татары приняли бы его подданство и чтобы Нагайский хан платил ему приличествующую дань, в противном случае он угрожал при помощи двухсот тысячного войска нагрянуть на столицу Нагайского ханства и обратить ее в пепел и прах, а самого хана и его приближенных перерезать. Темур-Даш хан, пора-

1/ Записана со слов Ашик Курбан Али смотрителем Шушинского училища Гашим беком Везировым.

женный такой неожиданностью, передал вопрос на обсуждение государственных мужей под председательством своего сына Ги-лафа. Совет пришел к заключению, что нужно воевать с Харазмским султаном и что лучше всем умереть, чем принять его на-хальное предложение и потому отправив посланника с извеще-нием, что они готовы воевать, сами стали собирать свои си-лы. Но так как силы эти были не велики, Темур-Даш хан, с одобрения своего сына, стал обращаться за помощью к сосед-ним татарским и черкесским племенам, прося их войти с ним в союз и выставить возможное количество войска, предупреж-дая их, что в случае победы над ним Харазмского султана, они все равно будут уничтожены. Татарские и черкесские вла-стелины согласились на союз и выставили пятидесятитысячное войско. Ги-лаф во главе союзных войск пустился в путь и пе-решел реку Сей-Хан (Сыр-Дарья), перешел через области Илас и Сагена и дошел до Мунда; здесь он остановился и разослал разведчиков в разные стороны поведать о враге; скоро шпие-ны возвратились и рассказали, что вражеский стан недалек, а потому и Ги-лаф расставил свои войска в ряд и стал гото-виться к бою.

На другой день утром начался кровавый бой и с обеих сторон были убиты храбрые воеводы и лучшие воины; два не-заменимых богатыря, Нагайский царевич Ги-лаф и Харазмский султан сражались подобравшим их доблестным именам образом и победа клонилась то в одну, то в другую сторону; кровь протекала ручьем, но никто решительной победы не одерживал. Так продолжалась битва до глубокой ночи, когда с обеих сто-рон поданы были сигналы об прекращении сражения до следую-щего утра. Пользуясь темнотой ночи изменник черкесский

1/В тексте: "по разным сторонам"
 2/В тексте: "и готовился"
 3/В тексте: "оставления"
 4/В тексте: "изменник"

князь пробрался в лагерь Харазмского султана и заключил с ним договор, скрепленный обеими сторонами клятвой и обяза-нием их религий и заключающийся в том, что Харазмский сул-тан навсегда оставит в покое черкесские племена, а черкес-ский князь утром возьмет свой отряд и отделится от Нагай-цев. Утром, еще далеко до восхода солнца, уверенный в сво-ей победе Ги-лаф встал и начал готовить своих неустрашимых соратников к бою, но к великому огорчению его, союзный чер-кесский отряд стал отделяться от его лагеря и держать об-ратный путь. Хотя Ги-лафу теперь было ясно, как донь преоб-ладание над его силами силы вражеской, но убежать с поля брани было ему до того тяжело, что он решился сражаться с врагом до последнего воина. Войска Харазмские несколько раз атаковали Нагайцев, но благодаря храбрости и тактике Ги-лафа, каждый раз были отбрасываемы Нагайцами. Наконец Харазмицы окружили Ги-лафа и немногочисленное его войско; Ги-лаф, видя, что Харазмицы перебьют их всех, с несколькими сотнями верхо-вых пробил себе дорогу и через вражеский лагерь пустился в бегство; посланние за ним шесть тысяч верховых Харазмского султана не могли поймать его и вернулись с пустыми руками. Через несколько дней Ги-лаф прибыл в столицу Нагайского хан-ства и передал печальную весть о своем поражении отцу. Темур-Даш хан и жители столицы были глубоко огорчены и хотя хан жестоко раскаивался в непринятии предложений Харазмского султана, но уже было поздно и как гласит пословица: "после разрушения Вавры ее не исправит", ничего нельзя было сде-лать; к тому же дошли до хана слухи, что Харазмский султан, перебив оставшиеся его войска и частью заполнив их, идет на самую столицу его Эстирикан. Темур-Даш хан и сын его Ги-

1/ В тексте "и готовил"

даф решили, что лучше спастись бегством из своей столицы, чем попасть живыми в руки врага, а потому взяв из своего имущества все что легко весом и дорогою ценою, пустились в бегство во главе убежавших с Гилафом верховных и некоторых приближенных придворных. Целью Темур-Даш хана было обратиться за покровительством к Римскому императору и потому путь их лежал через кавказские горы, но здесь их постигло новое несчастье: в ущельях кавказских гор окружили их более четырех тысяч горцев, которые не обратив внимания на описываемое ими несчастное положение, перебили всех четыреста приверженцев Темур-Даш хана, бросив их трупы на съедение диким зверям и хищным птицам, ограбили все их имущество, пощадив лишь жизнь самого хана, его жены и сына Гилафа, которых раздели до гола и оставили среди незнакомых ущелий без всякой помощи. Несчастный Темур-Даш хан до того отчаивался, что завидовал навшим в сражении с горцами своим приверженцам и сам несколько раз намеревался покончить с собой, не меньше отчаивалась и жена его, которая выражала это чувство глубокими вздохами и рыданиями, которым отвечали громким эхом горы Кавказа; один только Гилаф не отчаивался, он весь предавшись смиренью пред предначертаниями бжега оставался бодрым и утешал своих родителей: любезные и глубокоуважаемые родители мои, нужно покориться воле провидения; все что мы переносим теперь, предопределено Аллахом и его предначертаний избежать нельзя; не мы первые лишены престола и короны и не мы последние, нужно мужественно терпеть и молиться тому, чьим повелением в каждую минуту цари могут стать рабами и наоборот. Родители согласились с мнением Гилафа и ре-

1/ В тексте "описываемые ими несчастные положения".

2/ В тексте "на"

3/ В тексте "посягать на свою жизнь"

шили предать^{1/} себя всецело воле Аллаха, а потому стали продолжать свой путь пешком, питаясь плодами деревьев и кореньями растений, которые здесь были в изобилии^{2/}. Так держали они путь несколько дней и вышли на открытую пустыню, где не было никакой растительности и ни одной живой души^{3/}. Три дня уже они не ели и не пили. Старому хану, как хилему старику, первому изменили силы и он не мог дальше идти; то же случилось и с непривычной к пещерной жизни ханшей; один Гилаф не падал духом и поочередно сажая себе на спину то отца, то мать, двигался вперед; вдруг они очутились на вершине высокой горы над пропастью переход через которую невозможен был ни в какую сторону. Горы состояли преимущественно из черных камней, среди которых были видны глубокие трещины и страшные пещеры - обиталища гидр и барсов; так что от одного вида их волос становились дыбом^{6/}. Темур-Даш хан, полагая, что тут уже сечтены его дни, хотел броситься в одну из пещер, гжезря: эта пещера, вероятно, предназначена быть мне могилой, но Гилаф предстал пред ним широко открыв руки и сказал, что же отец, идешь ты против воли провидения, Аллах тебе дал душу и он возмет ее, когда придет время. Он утешал и мать, рыдания которой эглашали горы, говоря: подождите, я пойду искать дорогу и может быть мы выйдем куданибудь. С этими словами он расстался с родителями и отправился искать дорогу. Долго он ходил между пещерами и негостеприимными голыми камнями, но не мог найти ни одного спуска с горы. Он окончательно умериллся, разрыдался и опустился на колени, обратив свое лицо

1/ В тексте "решились передать"

2/ В тексте "которых здесь было в изобилии"

3/ В тексте "никаких растительностей"

4/ В тексте "над пропастями и отсюда невозможно было переходить"

5/ В тексте "показывались"

6/ В тексте "дыбом поднимались"

на юг, клал земные поклоны и проливая горькие слезы умолял Аллаха услышать его мольбы и открыть им путь спасения из невольного их заточения. Небо скалилось над его мольбами. Поднявшись на ноги, он прошел еще немного и обнаружил ^{1/} большую дорогу ведущую с горы. Гилаф направился по дороге и вскоре увидел большие зеленые луга, по которым претекали прозрачные, студёные ручейки и недалеко от дороги два больших пледных дерева разстлали далеко свою гостеприимную тень. Незная от радости как благодарить того, кто послал им такую благодать, он побежал к своим родителям и сказал им, что по видимому страданиям их наступает конец, и что, наверно, с этого момента их несчастье меняется на счастье и рассказал им о своем открытии. Обрадованные Темур-Даш хан и его жена первым делом бросились на землю и стали класть благодарственные поклоны, а потом последовали за Гилафом на луга, где утолением мучившей их жажды из прозрачных ручейков, освежили свои силы. К тому времени Гилаф собрал им сочные плоды, которыми они утолили свой голод. Этим собственно говоря ничтожным дарам, они были так же рады, как радовались бы они возврату им Нагайского ханства. Прожив здесь три-четыре дня, они навьючили на себя плодов, сколько позволяли им силы и пустились в дальнейший путь, сами не зная, куда идут. Через несколько часов ходьбы пред ними открылся вид на красивый, величественный город. В виду совершенной своей наготы, запыленности и загрязненности своего тела они решили войти в город ночью, чтобы никто их не видал и с этой целью остановились под флигним деревом, недалеко от города, ждать наступления сумерек. Спустя некоторое время к ним подошел один старец и приветствовал их обычным "садамом", подсел к ним. Ответив ему на при-

1/ В тексте "открыл"

ветствие, они стали осведомляться о названии города пред которым расположились, ожидая наступления сумерек. Старик сказал им, что город называется "Джанк" и что город расположен на реке того же имени и что когда то он был столицей Тамерлана. А потом, узнав из рассказов Темур-Даш-хана и его спутников, что они чужестранцы, попавшие по воле злого рока в эти незнакомые места, стал относиться к ним с еще большим участием. Когда же со слов Гилафа добродушный старец узнал, что они недавно с торговой целью выехали со своей родины, расположенной у берега Каспийского моря и подвластной Харазмскому султану и держали путь в Кипчакскую область, но на них напали разбойники и отняли у них все добро, и что после того они вынуждены были переправиться через Кавказские горы, но куда направиться не знают, - решил взять их к себе домой, что и исполнил, как только наступили сумерки. Дом старца представлял из себя жилище довольно зажиточного человека и самое расположение вещей в доме и вкус убранства в нем говорили об аристократическом происхождении хозяина его. После того, как уселись в доме гости, по знаку старика один из служителей вышел из дому и спустя некоторое время вернулся в сопровождении кучера, который достал из принесенного с собою узелка три пары платьев - две пары для мужчин и пару для женщин. Старик-хозяин вручил это платье своим гостям и попросил их одеваться в эти дорогие платья. После того подан был ужин, состоявший из икры и был приготовленных из лакомых Волжских рыб. Вся посуда была из слоновой кости и из сандалового дерева. Кроме названных блюд поданы были две утки, зажаренные на масле и плов. Гостеприимный старец сколько ни старался, не мог хоть немного развлечь их. Хотя много я старался развлечь своих дорогих го-

стей, сказал старец, но к огорчению моему это не удастся мне. Но вы, дорогие мои гости, должны знать, что во первых вам следует радоваться тому, что горцы, отняв ваше добро, подарили вам вашу жизнь; во вторых не вас первых постигло такое несчастье и что торговцы, путешественники и negociанты сплошь и рядом подвергаются подобной участи. Между прочим такое приключение имел несчастье испытать на себе ваш раб в юности при переезде из Мосула в Багдад. Горцы не только отняли все мое добро, но хотели лишить меня и жизни. Видя теперь вас в своем прежнем положении я нахожу себе некоторое утешение, а чтобы предоставить и вам возможность хоть немного утешиться, я расскажу вам свои приключения, которые были гораздо горестнее ваших и прошу вашего внимания.

Зовут раба вашего Фазл-Уллахом. До двадцати лет я оставался в доме своего отца Артука- правителя Мосула. Когда я достиг двадцати лет, отец задался мыслью женить меня на одной из красавиц Багдада. Но я несколько не сочувствовал этой мысли и все старания отца в этом смысле были напрасны и он временно отказался от своей мысли. Я выразил желание путешествовать, посетить Багдад, а потом по возвращении оттуда, обещал исполнить желание отца относительно моей женитьбы. На это условие отец согласился и снарядив подобающую правительскому сыну свиту, отправил меня в Багдад. Свита моя состояла, кроме обычных прислужников, из ста воинов, сопровождавших меня. В первые дни наш караван двигался без приключений, и мы останавливались по дороге в живописных местах, разбивая свои походные шатры. В одну из ночей, когда мы сладко отдыхали в своих шатрах, напали на нас бедуины-горцы и пока мы успели очнуться, большая половина людей свиты уже погибла от их натиска. Наши, видя отчаянное свое положение храбро бились

до утра и к этому времени было убито нами более трехсот горцев арабов. К утру, когда стало светло, арабы, заметив нашу немногочисленность, умножили свое мужество и немного спустя мы вынуждены были бросить свое оружие и сдаться арабам. На моих глазах бесовские горцы перерезали моих товарищей. Когда дошла очередь и до меня, то я в отчаянии стал кричать, что я сын Мосульского правителя Артука и стал просить себе пощады. Этому моему сообщению предводитель горцев обрадовался как находке и сказал: "давно я хотел отомстить твоему отцу за то, что по его приказанию были четвертованы несколько моих приближенных" и велел связать меня и взять к нему. Конечно все наше имущество тоже досталось им. Меня, связанного, измученного, повели за предводителем и я очутился в ущельи горы, среди непроходимого леса. Здесь разбиты были низенькие шатры арабов, сотканые из волос, среди них был шатер предводителя горцев, повыше других и меня повели туда. Там привязали меня крепко к дереву и каждое утро собирались все горцы и били меня дубинами несколько часов подряд, но не убивали меня для того, чтобы подвергнуть меня всем мукам, а потом оставляли меня голодным и жаждущим все в том же положении, чтобы на другой день опять возобновить свои зверства. Мои мучения продолжались несколько дней и близок уже был мой конец. Но в это время шпионы донесли предводителю, недалеко проходит караван с несметным богатством и предводитель тотчас собрав всех горцев, отправился ограбить его. Меня же оставили привязанного к дереву, полагая найти мой бездыханный труп, по возвращении со своего набега. После ухода предводителя и всех мужчин-горцев, подошла ко мне жена предводителя и сказала: "юноша, мне очень жаль тебя. Если хочешь и твои силы позво-

1/В тексте: "учетверены"

дают тебе - убегай отсюда". Тогда я сказал, что Аллах, по-
славший мне спасение через ее руки, даст и силу убежать.
Она развязала меня, дала мне старый кафтан мужа и два-три
куска хлеба и указала путь, которого я должен был держаться
неуклонно, затем отпустила, сказав, что этот путь пове-
дет меня прямо в город. На дороге я догнал одного неготиан-
та, следовавшего в Багдад. Узнав из моих рассказов о нес-
частной моей доле, неготиант принял меня в товарищи и через
два дня мы были уже в Багдаде. В первые дни, не зная нико-
го в городе, я заперся в одной из мечетей и, стесняясь вст-
реть на улице кого ни будь из своих сородичей-мосульцев,
не выходил из своего убежища, но голод скоро заставил меня
расстаться со своей застенчивостью, и я решил выйти и про-
сить подаяния, чтобы спасти себя от голодной смерти. Вскоре
я очутился во дворе одного дома и погмысив свой жалкий го-
лос, стал именем Аллаха просить милостыню. Вышла старуха и
подала мне ломтик хлеба. В это время ветром подняло занавеску
одного из окон верхнего этажа дома и мой взгляд оста-
новился на красавице, подобной которой я никогда не видал.
Я невольно остался ждать во дворе второго дуновения ветра,
но напрасно. В этот день мне не удалось вторично лицез-
реть ее. Простояв там до вечера я стал уходить и по доро-
ге стал расспрашивать о хозяйне дома, где я видел красави-
цу. Мне сказали, что она дочь бывшего полицеймейстера, ко-
торый не сошелся с новым правителем и живет в отставке, обла-
дая громадным богатством. Я вышел из города и вынужден был
выбрать себе ночлег на кладбище. Здесь около одного камня
я съел поданный мне хлеб и хотя очень стараясь хоть немно-
го заснуть, но не мог. С одной стороны оставившие меня мои
друзья с другой - иная красавица, которую я видел днем, не

давали мне спать. До глубокой ночи я не мог закрыть глаз и
вдруг мне послышались какие то голоса среди могил. Я в ужа-
се вскочил и пустился бежать, но вскоре, за кладбищем меня
поймали двое людей, стоявших на дороге. Когда из моего рас-
сказа они узнали, что я нищий чужестранец, они повели меня
к четырем своим товарищам, которые сидели между камнями клад-
бища и предложили мне присоединиться к их компании. Узнав,
что они ночные грабители, я стоял в нерешительности. С одной
стороны я боялся отказаться от их предложения, с другой ду-
мал, что ни за что не пойду грабить людей. Среди моих раз-
мышлений нас окружило человек двадцать полицейских и сква-
тив доставили в город к правителю.

Утром правитель допросил всех моих сотоварищей и они
во всем чистосердечно сознались ему. Между прочим они все
рассказали историю встречи со мною. Когда дошла очередь до
меня, то я рассказал правителю о всех своих приключениях и
сообщил ему о своем знатном происхождении; не утаил я от не-
го также свое увлечение дочерью бывшего полицеймейстера. При
этом последнем известии правитель сразу просиял и сказал, что
непременно устроит мне женитьбу на дочери полицеймейстера. По
требованию правителя подали мне драгоценную одежду, в которую
я оделся и отправился в баню. В мое отсутствие правитель
вызвал бывшего полицеймейстера и предложил ему выдать свою
дочь - Зумурруд замуж за сына мосульского правителя и к мое-
му возвращению из бани почти все было готово. На другой день
совершили кебн и я отправился в дом своего тестя, к своей
дорогой Зумурруд, которая теперь уже была моей законной же-
ной. Тесть мой, радости которого по поводу счастья единст-
венной дочери не было пределов, устроил блестящий бал, на ко-
торый были приглашены все родные и знакомые его. После уго-
щения нас оставили в особой комнате с Зумурруд. С первого

же раза я заметил, что увлекаю собой свою возлюбленную и до утра мы предавались своей блаженной любви. Порой я и моя Зумурруд удивлялись благородству и рыцарству правителя, который несмотря на существовавшую между полицеймейстером и им вражду, так удачно устроил судьбу его дочери. Не оказалось, что мы горько ошибаемся на счет благородных качеств правителя. Этот низкий и мстительный человек, полагая, что я говорил неправду в своих показаниях относительно своего происхождения, думал выдать за меня - незнатного нищего чужестранца, Зумурруд, чтобы этим опозорить своего противника, бывшего полицеймейстера. Рано утром постучались в дверь нашей комнаты. Отворив ее я заметил одного из слуг правителя, державшего какой-то узелок подмышкой. Слуга бросил мне узелок, сказав: правитель требует, чтобы мнимый Мосульский правительский сын принял бы свое тряпье нищенское и возвратил бы одежду правителя, которой ему так ловко удалось обмануть бывшего полицеймейстера. Несчастливая Зумурруд, узнав все это, сказала мне, что, во первых, она уверена в моем знатном происхождении, а во вторых она настоять уже влюблена в меня, что никакие козни на свете теперь не в состоянии отратить ее любовь. Она тотчас-же приказала своим людям купить мне на базаре другое новое платье, которое стоило гораздо дороже того, что за час перед тем я снял и возвратил низкому правителю. Правитель имел в виду нанести оскорбление моему отцу и нашей фамилии, а не вам, сказала Зумурруд, сам не зная какое счастье принес он этим своим замыслом нам, но мне все таки следует отомстить ему так, чтобы он был бы не рад своим злым затеям и своему правительскому званию и прошу вас в этом не препятствовать мне и дать мне полную свободу. Пока же сообщу вам, что в нашем городе

есть красильщик и у него есть дочь такая отвратительная и уродливая, что на нее никто не может смотреть без чувства отвращения. Знайте только это и посмотрите, что я сделаю. Так закончила Зумурруд. Хотя я и очень старался заглушить как ни будь чувство мести в моей жене, но это не удалось мне. На другой день Зумурруд, одетая в платье простых горожанок с накинутой сверху чадрой, отпросилась у меня и ушла. Потом, как я узнал из ее же рассказов, она отправилась в приемную правителя и стала в ряды прочих просителей. Когда дошла очередь до нее, она сказала, что имеет секретное дело к правителю и была проведена им в особую комнату. Оставшись наедине с правителем она незаметно сбросила с себя чадру и стала как будто невзначай, показывать правителю свои красоты, заявляя при этом, что она в данный момент нуждается в его покровительстве. "Вы блюститель правил шариата и у вас должны находить убежище все угнетаемые и обиженные; посмотрите, есть ли у меня где ни будь недостаток в теле, разве это лицо не красивее луны, разве эти глаза, брови ресницы не чернее ночи; разве стан мой не красивее кипариса, а походка не лучше походки газели, а цвет кожи не белее утреннего снега? Так говорила Зумурруд и показывала правителю все свои прелести сводя его таким образом с ума. Наконец она залилась горькими слезами и заявила, что она дочь одного из городских красильщиков и что ее отец почему то не желает выдать ее замуж, не допускает к ней никого и всем кто сватает ее, он описывает ее самыми мрачными красками, говоря будто она некрасива, хромота, плешива и безумна. "Улучив удобный момент, я решилась обратиться к вашему покровительству и если не найду его у вас, то вынуждена буду наложить руки на себя" заключила

она. Правитель стоял, как пораженный молнией. Никогда в жизни ему не приходилось видеть такую красавицу. Утешая ее, обзвевший правитель сказал, что ей не следует плакать, что в дальнейшем ее отец не осмелится держать ее в неволе и что если ей угодно, то она с этого же момента может сделаться красой правительского гарема и главной повелительницей в нем. Зумурруд ответила, что почитает за неожиданную честь сделаться женой правителя, но вместе с тем считает неудобным так самовольно покинуть отца. Сообщив правителю имя своего отца, Уста Омара, Зумурруд закуталась в свою чадру и на прощание еще больше заинтриговав правителя изъяснением в беспредельной к нему любви, отправилась в дом своего настоящего отца, где ее ожидал ее любимый муж - ваш покорный раб.

Не теряя ни минуты, правитель послал разыскать Уста Омара, которого вскоре привели к нему. Вздвигнутый Уста-Омар в начале был ошеломлен известием о том, что его разыскивает правитель. Потом же, когда правитель с большим почетом пригласил его к себе в другую комнату, он несколько успокоился. Здесь правитель предложил ему выдать за него свою дочь. Красильщик стал рассказывать о всех недостатках своей дочери: что она калека на обе ноги, что уродлива и до того отвратительна, что никто на нее и смотреть не пожелает и т.д. Правитель прервал его и сказал: мне известны все качества твоей дочери и именем шариата прошу у тебя ее руки, а что она уродлива или какова тебе нет дела; мне все в ней приятно. Красильщик Уста Омар, видя, что ничем нельзя разубедить упрямого правителя, волею неволею согласился, испросив своей дочери тысячу золотых кебин и выговорив условие, что в случае развода правитель обязан уплатить ему, красильщику еще тысячу золотых. На этом сошлись правитель с красильщиком и совершен был кебин.

Узнав о случившемся, жена правителя, не желая жить с соперницей - дочерью красильщика, потребовала себе развода. Правитель убавляемый мыслями о наслаждениях с будущей женой без возражений принял требование первой жены и выдал ей развод. На другой день до вечера правитель томился ожиданием прибытия новой жены. К вечеру какой то носильщик доставил в дом правителя сундук, покрытый зеленым сукном. Правитель поднял сукно и увидел в сундуке нечто чудовищное. Ростом с аршин, с разинутым словно у крокодила ртом, с косыми глазами и длинным носом, нечто вроде женщины валялось на дне сундука. На вопрос правителя, что это за чудовище, носильщик ответил, что это дочь красильщика - его законная жена. Несчастный правитель света не взвидел. По его требованию доставили к нему Уста-Омара, на которого он и набросился. Но Уста-Омар не теряя присутствия духа напомнил ему о своих предупреждениях. Правитель рассказал ему о виденной им красавице, выдававшей себя за дочь красильщика. Уста Омар сказал правителю, что хитрость эта устроена кем нибудь из его, правителя, недоброжелателей и вследствие просьбы правителя согласился взять обратно свою дочь, получив развод. Сколько ни старался правитель, держать в секрете этот случай, о нем уже знали все и говорили во всех домах и собраниях Багдада.

Спустя некоторое время о пребывании моем в Багдаде узнал мой отец-мосульский правитель, так продолжал свой рассказ Фазл-Удлах, и я вместе со своей любимой женой Зумурруд вернулся во главе большого войска, высланного моим отцом для сопровождения меня в Мосул. Но к сожалению я не застал уже в живых своего отца, которого достаточно успела потрясти разлука со мной. Я по просьбе населения занял место своего отца и был вначале очень счастлив со своей любимой Зу-

мурруд, но уви, это счастье было недолгим. Вскоре Зумурруд заболела и умерла. Я решил оставить все в мире и передав правление двоюродному брату своему, сам выехал из Мосула и направился сперва в Мекку, а оттуда с паломниками татарами вернулся сюда, где и живу вот уже тридцать лет. В стороне от всех мирских сует, проводя свое время лишь в воспоминаниях о любимой Зумурруд. Вот видите, есть на свете люди и несчастнее вас, так закончил свой рассказ старец Фазл-Уллах, к удивлению своих гостей Темур-Даш хана, сына его Гидафа и жены его Алмас-бике. Рассказ затянулся до полуночи и гости уже начинали дремать. По поручению Фазл Уллаха гостям была приготовлена постель и они легли спать.

На другой день утром Фазл-Уллах сообщил своим гостям новость: местный хан получил поручение от Харазмского султана немедленно задержать и препроводить, буде они окажутся на его земле, Ногайского хана Темур-Даша, его сына Гидафа и жену Алмас-бике. Вот видите на свете есть еще более несчастные люди, чем вы, закончил свое сообщение гостеприимный старец. Но при этом известии несчастный Темур-Даш хан окончательно растерялся, сын его Гидаф побледнел, а жена упала без чувств. Этим беспокойством они выдали себя и вынуждены были во всем открыться своему хозяину. Добродушный старик, желая выручить их, снабдил их всем необходимым и золотом и посоветовал им немедленно отправиться на север, переправиться через реку Иртыш и идти в провинцию Барлас, где и искать себе покровительства у тамошнего хана Алэнгара. Через некоторое время несчастная семья Ногайского хана была уже под покровительством Алэнгар-хана и пользовалась большим уважением с его стороны, хотя и ничего не давала знать ему о своем происхождении. Алэнгар-хан оказывал им все почести по их

достоинствам, хотя и не зная ничего об их происхождении. Через год Гидаф сказал своим родителям, что какое-то предчувствие тянет его в Китай и что оно подсказывает ему там конец их страданий, и стал отпрашиваться у них в Китай. После долгих колебаний Темур-Даш хан и Алмас-бике вынуждены были уступить мольбам сына и Гидаф выехал один в Китай, оставив своих родителей у Алэнгар-хана. Прибыв в китайскую столицу Пекин, Гидаф остановился у ворот первого стоявшего на его пути дома и попросил себе ночлега. Вшедшая из дома старуха с большим радушием приняла гостя, а его лошадь отвела в конюшню. После утоления своего голода и жажды, Гидаф стал расспрашивать старуху о характере, обычаях, численности и других свойствах местного населения. Разговор дошел до самого китайского царя Алтуна. Со слов старухи, дочь которой служила в царском доме, Гидаф узнал, что Алтун один из мудрейших и добрейших царей. Что войска и золото его несметны, что все цари на земле почитают и боятся его. Всем он счастлив, только несчастен он в том, что нет у него наследника сына, а еще более несчастен он тем, что есть у него дочь, по имени Тор-Андук. Хотя Гидаф очень удивился этому сообщению, но рассказ старухи о личности царевны Тор-Андук вскоре рассеял его изумление. Из этого рассказа Гидаф узнал, что царевна Тор-Андук только что достигла девятнадцати лет, что она по красоте и грациозности превосходит всех красавиц на земле и что ни одному художнику до сих пор не удалось точно написать ее портрет. Кроме того Гидаф из рассказов старухи узнал, что она помимо своей красоты обладает такими познаниями в науках, какими не может похвалиться ни один мужчина на свете. Обольщенный ее красотами и мудростью Тибетский хан хотел сватать ее за своего сына, но Тор-Андук ни за что не хотела выйти за

него замуж. Когда же Алтун - ее отец стал сильно настаивать на том, чтобы она приняла это предложение, она занемогла и слегла в постель. Приглашенные медики установили, что если видать ее против желания замуж, то не может быть надежды на ее выздоровление и Алтун отказался от своих настояний. Однажды, позвав к себе отца, Тор-Андук заявила ему, что она выйдет замуж за того лишь человека, который согласится быть убитым, если не будет в состоянии ответить на вопросы, которые она предложит ему в присутствии ученых ее страны. Отец хотя и сознавал все неудобства этих условий, но должен был согласиться на них, так как в противном случае Тор-Андук грозила лишить себя жизни и Алтун дал клятву предоставить ей в вопросе о замужестве полную свободу. После этого царевичи погибали один за другим и число убитых на любовном пути Тор-Андук продолжает расти с каждым днем. "Или царевичи, прибывающие сюда настолько глухи, что не могут ответить на вопросы какой-то девочки, или художники слишком преувеличили красоту Тор-Андук в ее портретах для того, чтобы царевичи погубили свою жизнь", сказал Гиляф. Но старуха поклялась, что наивысшая красота на свете померкла бы перед действительной красотой Тор-Андук. На другой день Гиляф услышал какую-то тревогу в городе и узнал от старухи, что тревога эта зовет на зрелище казни одного из искателей руки Тор-Андук. Гиляф вышел в город и на его глазах был обезглавлен один из неудачных искателей руки царевича Самаркандского хана. Народ возмущался, роптал на кровожадность своей царевны и бессознательное пролитие такой массы невинной крови. Кто-то в остервенении бросил на землю с презрительным упреком портрет царевны. Гиляф тотчас поднял портрет и стал всматриваться в него. Целый час он не мог оторвать глаз от портрета и моментально был пленен красотой царевны. Чем

дальше, тем больше росла его страсть. Через час он уже чувствовал себя в полной власти Тор-Андук. Много старался он подавить свою страсть, но это было теперь не в его власти. Гиляф вернулся в дом старухи и объявил ей о своем намерении вступить в число готовых умереть на пути любви к Тор-Андук. Тщетно бедная старуха умоляла, уговаривала его, у него еле хватило терпения провести эту ночь в ее доме. Раню утром он встал и отправился во дворец. Царь, которому понравился Гиляф своей красотой и благородным видом, тоже долго уговаривал его бросить свою опасную затею, но Гиляф был неумолим. Царь в виду какого-то для него самого непонятного влечения к нему, три дня держал его при себе, надеясь убедить его отказаться от опасной затеи. На четвертый день рано утром Гиляф был приглашен в особую комнату. Туда же немного позже прибыли все известные в Пекине ученые, а затем и царь Алтун и дочь его Тор-Андук. Весь дом, как снаружи, так и внутри был полон войск и при такой обстановке было сделано Гиляфу еще одно последнее предложение отказаться от своей опасной затеи, но Гиляф был непоколебим. По повелению царя, Тор-Андук предложила свой первый вопрос, заключавшийся в следующем: "Что служит источником жизни всех государств и городов и в чем нуждается вся вселенная?" Гиляф без всякого затруднения и моментально ответил, что это есть солнце. Все присутствующие, в том числе и царь Алтун прислаивали и похвалили Гиляфа. Тогда Тор-Андук предложила следующий - второй вопрос: "Какая мать рождает на свет детей, а потом сама же и глотает их?" На этот вопрос так же быстро ответил Гиляф, что эта мать - есть океан, а ее дети - реки и речки. Востергам присутствующих не было пределов. Тор-Андук же от досады окончательно рас-

терялась. Ей не столько досадны были удачные ответы Гидафа, сколько восторг и радость присутствующих, которые своим восторгом выражали как бы глумление над слабостью Тер-Андук перед ее противником. Собрав все силы своего разума Тер-Андук предложила свой третий - последний вопрос: "Что это за дерево, половина листьев которого черна, а другая половина бела?" Задав этот последний вопрос, Тер-Андук со своей ответственностью всем женщинам ехидством сбросила с себя чадру и бросила пристальный взгляд в сторону Гидафа. От этого взгляда Гидаф окончательно потерял свой рассудок и самообладание и упал без чувств. Через полчаса его привели в чувство и все присутствующие уже было потеряли надежду на удовлетворительный ответ со стороны Гидафа и боялись за его жизнь. Но Гидаф попросил Тер-Андук еще раз повторить свой вопрос, сознаваясь откровенно, что он под обаянием ее красоты забывает не только ее вопрос, но и свое существование. Когда Тер-Андук вторично повторила свой вопрос, Гидаф тотчас ответил ей, что это есть год, состоящий из дней и ночей. Присутствующие все вздохнули свободно, а Тер-Андук, не сходясь их присутствием сбросилась ему на шею и назвала его своим мужем. Радости и торжеству Алтуна и всех его подданных не было пределов. После этого Гидаф назвал себя и был назначен день свадьбы, на которую были приглашены и родители Гидафа, и гостеприимный Барласский хан Алэнгар. Вскоре китайские войска, совместно с Барласскими, двинулись на Харазмского султана, который был убит на этой войне, а на его месте сел на престол Харазмский - Гидаф хан. Темур-Даш хан и жена его Алмасике вновь заняли престол Нотайского ханства, а родившийся через год сын Гидафа и Тер-Андук был назван ханом вновь присоединенных Черкасского и Джа-Тайского ханств.-

ЗОЛОТО И ЖЕЛЕЗО.

Как-то раз золото с негодованием обращаясь к железу, говорит ему: "давно мне хотелось знать зачем люди причисляют тебя к числу металлов когда ты так груб, чорен и ржавлив? Смотреть на тебя просто невыносимо никому! а посмотри на меня - ах, как я красиво, ясно: просто любуйся посмотри на меня, как я блещу! Только я одно придаю красоте^{1/} нежным пальцам и прекрасным ушам красивых барышень, да дам! Я им только слава и честь... Ты увидишь меня у дам и барышень и на белоснежной шее и на привлекательной груди и на прозрачных, как стекло ушах и на мраморном лбу. Уж нечего говорить и о том, как я красиво булавок, медальоном, брелоком и т.п. ценным предметом, о которых ты своей грубостью и жесткостью не имеешь никакого понятия. Просто природа создала тебя грубо и жестко..."

Железо отвечает ему: "я не отрицаю того, г.Золото, что ты и красиво и придаешь красоту всем,^{3/} а также имеешь недоступную бедным высокую цену, но зачем столь беспрдельно гордишься тебе!

Хотя и красивы твои цепочки на груди булавки в волосах,^{4/} колечки на пальцах, да серьги в ушах, но они не придают ни силы пальцам, ни чуткости ушам, ни ума голове и ни совести сердцу; к чему же они, если лишь не для горделивости и тщеславия?

Конечно, одни наши дамы, да барышни виноваты, что тебя столь почитают и даже из за тебя хуذةют и впадают в чахотку, а посмотри, как моя маленькая иголка многих сирот

1/ В рукописи: "только я одна, что придаю красоты"
 2/ В рукописи: "никаких понятий".
 3/ В рукописи: "составляешь красоту всех"
 4/ В рукописи: "булавки на лбу".